

УДК 101.1:316:355

ТРАКТАТ Г. ГРОЦИЯ «О ПРАВЕ ВОЙНЫ И МИРА» КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ СФЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В.А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь, г. Минск

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.164

В статье анализируется произведение голландского мыслителя Гуго Гроция «О праве войны и мира», имеющее большое значение в истории философии. Как политический мыслитель он первый заговорил о праве и справедливости, об естественном праве в международном общении. Автор произведения выступает аналитиком и гуманистом, поднимаясь над проблемой диалектики войны и мира, базируясь на творчестве предшественников, формулирует собственную теорию государственного строительства и международных отношений «в защиту Справедливости». Показано, что в трех книгах содержатся актуальные идеи, направленные на соблюдение права войны и мира в международном общении. Сделан вывод, что труд содержит существенный потенциал для военно-философских исследований современности в интересах обеспечения военной безопасности государства.

***Ключевые слова:** международные отношения, государство, правонарушение, насилие, естественное право, самозащита, мир, справедливая война, добросовестность, безопасность.*

Труд выдающегося голландского ученого Гуго Гроция (1583–1645) «О праве войны и мира» появился в свет в марте 1625 г., в разгар Тридцатилетней войны в Западной Европе (1618–1648). Гениальное творение знаменитого голландца сохранило свое значение до настоящего времени. Данное произведение является своеобразной энциклопедией гуманитарной науки, отражающей реалии своего времени. В произведении автор выступает как авторитетный аналитик и гуманист, поднимаясь над вечной проблемой диалектики войны и мира, анализируя творчество многих предшественников, которые позволяют ему выстроить собственную оригинальную теорию государственного строительства и международных отношений «в защиту Справедливости».

Аркадий Пресс отмечал во вступительной статье к изданию 1902 г. книги «О праве войны и мира»: «Как политический мыслитель, Гроций первый заговорил о праве и справедливости, об естественном праве в отношении народов между собою. Он показал, что сила и хитрость не могут составлять всей сущности жизни правительств, другими словами, что принципы, которыми жил век Макиавелли и его последо-

вателей, односторонни. Жизнь требовала новых начал, и эти начала права высказал людям Гроций» [4, с. 7].

По нашему мнению, данное произведение содержит не только существенный правовой потенциал, но и является своеобразной теоретической основой военно-философских исследований современности в сфере национальной и ее важнейшей части – военной безопасности государства. Этим и обусловлено обращение к осмыслению данного произведения.

Опираясь на нормы международного общения и принципы гуманизма, о которых писал и на которых настаивал Г. Гроций, можно было бы избежать войны. Но, несмотря на наличие и известность такого фундаментального труда в сфере международного права, война в современных условиях является практически нормой международного общения, она прочно вошла в ткань человеческого бытия. Полагаем, что причина такого явления не в интеллектуальной бессилии, а в конкретных эгоистических интересах ряда акторов международных отношений, которые сделали военное насилие органичным способом коммуникации между государствами и народами.

Проведем краткое рассмотрение его труда в контексте проблемы обеспечения военной безопасности как составной части национальной безопасности, которая сегодня становится приоритетной как для России, так и для Беларуси и в целом Союзного государства.

В **первой книге**, определяя войну и ссылаясь на Цицерона, который трактовал войну как «соствязание силой» [5, с. 68], Г. Гроций пишет, что вошло в привычку называть этим именем не действие, а *состояние* (курсив мой. – В. К.), так как «война есть состояние борьбы силою как таковое» [5, с. 68]. Г. Гроций указывает: «Однако ничто не препятствует нам присваивать название войны исключительно только вооруженному столкновению государств, поскольку, несомненно, родовое название сообщается нередко также тому или иному виду, в особенности же такому, который имеет какое-нибудь особое преимущество перед другими видами» [5, с. 68]. Он не вводит в определение понятия «война» признака справедливости, поскольку задача проводимого им исследования определяется как «разрешение вопроса о том, может ли какая-нибудь война быть справедливой и какая именно война справедлива» [5, с. 68].

Мыслитель рассуждает в контексте права, так как «право есть то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом» [5, с. 68]. Он также подчеркивает, что право «есть нравственное качество, присущее личности, в силу которого можно законно владеть чем-нибудь или действовать так или иначе» [5, с. 69].

Ссылаясь на Аристотеля, согласно которому, «с одной стороны, есть право естественное, а с другой – право волеустановленное, которое он называет законным правом, употребляя слово «закон» в более тесном

смысле» [5, с. 71], автор классифицирует право. «Право естественное есть предписание здравого разума, ...» [5, с. 71]. Другой вид права он называет волеустановленным, так как в его основе воля. В свою очередь, волеустановленное право может быть или человеческим, или божественным [5, с. 74].

Г. Гроций, исследовав источники права, задается главнейшим вопросом: «может ли какая-либо война быть справедливой, или, иными словами, дозволено ли когда-либо воевать» [5, с. 83].

По его мнению, право естественное не отвергает войны, что доказывается следующими основаниями: «Самая цель войны – сохранение в неприкосновенности жизни и членов тела, сохранение и приобретение вещей, полезных для жизни, – вполне соответствует первым побуждениям природы; и если ради этого окажется необходимым прибегнуть к силе, то это никоим образом не противоречит первым побуждениям природы, поскольку даже отдельные животные наделены от природы достаточными силами и средствами, чтобы обеспечить себе самосохранение. Ксенофонт говорил: “Все породы животных так или иначе приспособлены к борьбе, что им внушено самой природой”» [5, с. 84]. Применительно к обществу, речь идет не о неограниченном насилии, а о том «которое несовместимо с самим обществом, которое нарушает чужое право» [5, с. 85].

Г. Гроций делает вывод, что «предусмотрительность и заботы о самих себе не противоречат природе общества, пока не нарушается этим чужое право, и оттого сила, не нарушающая чужого права, – законна» [5, с. 85]. Следовательно, он рассуждает о безопасности социальной системы (общества) или национальной безопасности и указывает на законную возможность наличия военной силы.

Обращаясь к Цицерону, он пишет, что существуют *два способа разрешения споров*: 1) путем спокойного рассмотрения; 2) силой.

Причем *первый* свойственен людям, а *второй* – диким зверям. В первом варианте в современной терминологии речь идет о политико-дипломатических средствах разрешения различного рода противоречий. А второй вариант именуется силовым (военно-силовым) путем.

По мнению Г. Гроция, ко второму способу (силовому) следует прибегать, если не существует возможности воспользоваться первым способом (мирным) разрешения противоречий. Им приведены различные аргументы в подтверждение того, что использование насилия в целях самозащиты вполне уместно, т. е. указывается на необходимость обороны и сохранения социальной системы в интересах развития человека и общества. Подчеркнем, что он ведет речь о важности собственной безопасности и возможном ответном насилии в случае агрессии.

Актуальна и сегодня его ссылка на Иосифа Флавия: «Таков естественный закон, свойственный всем, а именно – стремление сохранить жизнь; по этому же самому мы считаем врагами тех, кто имеет явное

намерение лишить нас жизни» [5, с. 87]. Следовательно, естественное право, которое можно назвать правом народов, не отвергает войны, то есть военное насилие допустимо для обеспечения защиты и «здоровья» социального организма.

Принимая во внимание Военную доктрину нашего государства, носящую сугубо оборонительный характер, Беларусь исходит из того, что «ни одно из государств не является для нее противником» [3, ст. 14]. Республика Беларусь осуждает любой военный конфликт как средство реализации политики и придерживается принципа мирного урегулирования споров. Вместе с тем «применение военной силы рассматривается как крайняя мера после исчерпания всех возможностей принятия политико-дипломатических, правовых, экономических, информационных, идеологических и других мер по обеспечению военной безопасности» [3, ст. 15].

Стоит подчеркнуть, что, придерживаясь исключительно миролюбивого курса и стремления разрешать различные противоречия за столом переговоров, Республика Беларусь «будет считать своим противником государство (коалицию государств), а также любой негосударственный субъект, включая террористические и экстремистские организации, деятельность которых представляет военную угрозу Республике Беларусь, ведет к вмешательству во внутренние дела, посягательству на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй Республики Беларусь» [3, ст. 16].

Приведенные положения доктринальных установок белорусского государства ярко свидетельствуют о соблюдении как моральных, так и международно-правовых норм обеспечения национальной безопасности. Явно просматривается следование политическим руководством страны принципу справедливости в международных отношениях в понимании Г. Гроция.

Мыслитель классифицирует войну следующим образом: частная, публичная или смешанная. *Публичная* война, согласно ему, ведется органами гражданской власти; *частная* война ведется лицом, не имеющим таковой; *смешанная* война есть, с одной стороны, публичная, а с другой стороны – частная [5, с. 119].

Война публичная, по Г. Гроцию, бывает, согласно праву народов, или торжественная, или неторжественная. *Торжественной* он называет войну справедливую (законную) [5, с. 123]. Для ведения торжественной войны необходимы двоякого рода условия: 1) необходимо, чтобы с обеих сторон война велась волею тех, кто в государстве облечен верховной властью; 2) важно соблюдение известных обрядов. Первое и второе требуется совместно. «Публичная же война неторжественная может быть свободна от тех обрядов и церемоний, может вестись против частных лиц и властью любых должностных лиц в государстве» [5, с. 123].

Г. Гроций отмечает, что *война против властей как таковых обычно естественным правом не дозволена*. Так как «государство уста-

новлено для обеспечения общественного спокойствия, то ему принадлежит некое верховное право над нами и нашим достоянием, поскольку это необходимо для осуществления государственных целей. Поэтому государство и может наложить запрет на это всеобщее право сопротивления ради сохранения общественного мира и государственного порядка» [5, с. 159].

В этом контексте уместно обратиться к более поздней теории «Право современного государства» профессора Г. Еллинека, который, отстаивая необходимость государства, пишет, что «вне государства живет только божество, либо животное» [6, с. 30], а также подчеркивает, что государство возникло «в интересах жизни как таковой», а существует «для жизни совершенной» [6, с. 31].

Войны ведутся или в своих интересах – такова главная причина войн, или в чужих интересах, или, наконец, ради приобретения средств, каковы рабы и подданные. По праву естественному никому не возбраняется воевать. «Главная действующая причина войны, по большей части, есть тот, о чьем деле идет спор; в войне частной – частное лицо, в войне публичной – государственная власть, преимущественно же – верховная» [5, с. 180].

Таким образом, мы видим, что в первой части своего фундаментального труда Г. Гроций ставит и решает жизненно важные проблемы обеспечения безопасности социума путем комплексного философско-правового анализа диалектики войны и мира в контексте организации справедливого человеческого бытия.

Во **второй книге** Г. Гроций показывает так называемые справедливые причины войны. По его убеждению, «справедливой причиной начала войны может быть не что иное, как правонарушение». Ссылаясь на работу Августина «О граде божием», он приводит его слова: «Несправедливость противной стороны навлекает справедливую войну» [5, с. 186]. По мнению автора труда, Августин употребил слово «несправедливость» вместо «правонарушения». Г. Гроций пишет о возникновении войн из самообороны, взыскания принадлежащего и причитающегося нам или ради наказания правонарушителя. Он утверждает, что «сколько существует судебных исков, столько же – источников войны; ибо, где нет возможности прибегнуть к суду, там возникает война» [5, с. 187].

Анализируя причины войн у предшественников, он говорит о *трех справедливых причинах войны*: самозащита, возвращение имущества, наказание. Интересен его вывод, что «первая причина справедливой войны есть еще не нанесенная, но угрожающая людям, их телу или их имуществу обида» [5, с. 188].

Примечательно, что *защита жизни* (самооборона) *дозволена*. «В случае нападения на людей открытой силой при невозможности избежать иначе опасности для жизни дозволена война, влекущая даже убий-

ство нападающего...» [5, с. 188]. Ссылаясь на Фому Аквинского, он пишет, что силовое воздействие может быть применено исключительно только против нападающего. Учтем, что «при правильной самообороне человек не совершает преднамеренного убийства» [5, с. 188].

Если кто подвергся нападению, он вынужден неотложно предпринять что-нибудь при наличной и несомненной, а не только угрожающей опасности. Г. Гроций считает важным предотвращать насилие различными приемами противодействия, а в случае невозможности остановить покушающегося на жизнь человека «поистине не воспрещено и убить» [5, с. 190], то есть принять необходимые меры для защиты жизни и здоровья человека. Правда, он оговаривается, что следует ограничить распространение этого правила «теми лицами, на коих лежит обязанность охранять других от насилия...» [5, с. 190]. Речь идет о «недозволенной иногда самозащите против лица, весьма полезного государству, по закону предпочтения» [5, с. 190].

Он также говорит о воспрещении христианам убийства как для отражения пощечины или тому подобного оскорбления, так и для предотвращения бегства (нападающего) [5, с. 191]. Г. Гроций высказывает соображения о возможном убийстве похитителя при защите имущества, что не воспрещено по естественному праву. Причем в данном случае должен работать внутригосударственный закон и судебная власть, а касается это самых тяжких преступников. Эти соображения о самозащите и защите своего достоинства касаются частной войны, но могут быть применены и к публичной войне. Отметим, что «обращение к насилию во избежание лишь возможного насилия лишено всякого основания справедливости. Жизнь человеческая такова, что полная безопасность нам вообще никогда недоступна» [5, с. 196].

Таким образом, он хорошо понимает проблему недостижимости абсолютной безопасности, но необходимость и готовность обеспечивать безопасность является важнейшей задачей отдельного человека, общества и государства. Причем он рассматривает проблемы насилия с точки зрения морально-нравственных критериев, формируя своеобразный кодекс справедливого ответного (защитного) насилия, формируя этику ведения войны.

Рассуждая о войне в виде наказания за правонарушения, Г. Гроций пишет: «В большинстве случаев эта причина сочетается с задачей возмещения вреда, когда один и тот же акт был неправомерным и причинил существенный вред, из коих двух качеств рождаются два различных обстоятельства. Достаточно, впрочем, ясно, что войны не следует начинать из-за любого рода правонарушений; ибо не за всякую вину самые законы определяют соответствующее наказание, которое наносит вред безопасности не иначе, как заведомым преступникам» [5, с. 479]. Таким образом, не за все проступки стоит карать военной силой.

Интересен поставленный им вопрос о возможности предпринимать войну вследствие совершения преступления против бога. Г. Гроций отвечает на него: «Преобладающее основание в пользу отрицательного мнения относительно справедливости такого рода войн состоит в том, что бог достаточно заботится о возмездии, которое совершается само собой» [5, с. 483].

Возвращаясь к анализу причин войны, автор одни причины называет оправдательными, вторые – побудительными. Он вспоминает Полибия, который впервые называет первые – «предлогами», а вторые – «причинами» [5, с. 526]. Некоторые не руководствуются причинами ни того, ни другого рода и начинают войны, будучи влекомы жадной опасностей и ради них самих. Аристотель называет это «зверством» [5, с. 527].

Заметим, что в военных конфликтах современности часто отсутствуют объективные причины развязывания войны, а доминирует потребность подчинения противоположной стороны своей воле, использование ее ресурсов в собственных интересах. Поэтому в современном военном насилии доминирует не сила права, а право силы и полное отсутствие этических ограничений. Глобальные геополитические игроки, формируя новый мировой порядок, явно обозначили эпоху войны без правил. Закономерно, что в Военной доктрине отмечается: «Применение военной силы в обход действующих норм международного права дестабилизирует международную обстановку. При этом использование дипломатических методов урегулирования конфликтов, соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права не становятся доминирующими правилами в решении проблем поддержания международного мира и безопасности» [3, ст. 7].

Г. Гроций утверждает, что войны, имеющие причины побудительные, а не оправдательные, относятся к разбойническим. Он ссылается на Августина («О граде божием»), который пишет: «Военное вторжение в пределы соседей, а оттуда движение на прочих, а также покорение народов безобидных в силу одной только жажды власти – какого названия заслуживает это, кроме великого разбоя?» [5, с. 528]. Кроме того, бывают некоторые причины, имеющие ложную видимость справедливости:

неопределенный страх (опасение мощи соседей не является достаточной причиной);

соображения пользы без необходимости;

отказ в согласии на брак при большом избытии женщин;

желание захватить лучшую землю;

нахождение вещей, захваченных другими;

если первые захватчики безумны («Для владения не требуется ни нравственной добродетели, ни благочестия, ни умственного совершенства»);

жажда свободы в подвластном народе;
воля править другими вопреки их воле как бы ради их блага;
титул неограниченной власти, приписываемый некоторыми императорами;
власть, приписываемая другими церкви, что также опровергается;
воля привести в исполнение пророчества без божественного уполномочия;
желание получить то, что вытекает из обязательства не в силу строго формального права, но иного [5, с. 528–532].

Тем не менее автор отмечает, что «нередко бывают и такие случаи, когда как будто причина войны и справедлива, но к действию привходит какой-нибудь порок, который вытекает из намерения лица, предпринимающего самое действие» [5, с. 532]. Таким образом, он говорит о субъективных причинах начала войны в силу психологических особенностей лиц, принимающих решение о военном насилии.

Размышляя о причинах сомнительных, он утверждает, что источник сомнений лежит в области *нравственности*. Не стоит ничего предпринимать против голоса совести, хотя бы ошибочного. При наличии сомнения в ту или другую сторону в деле важном, когда надо выбрать что-нибудь одно, то следует выбирать то, что более безопасно. «Особенную важность имеет война, из которой обычно проистекают великие бедствия даже для невиновных. Оттого в случае колебания между двоякими мнениями нужно отдавать предпочтение миру» [5, с. 539].

Г. Гроций еще раз напоминает нам способы избегания войны. Он акцентирует внимание на необходимости вести переговоры. Обращается к Цицерону, который пишет: «Так как существуют два способа разрешения споров: один – путем переговоров, второй – путем применения силы; так как первый свойственен людям, а второй – животным, то следует прибегать к последнему лишь в случае, если нельзя воспользоваться первым» [5, с. 539].

Автор труда «О праве войны и мира» говорит, что нередко следует отступаться от права во избежание войны. Кроме того, следует также избегать войны ввиду заботы о себе и своих подданных. Актуально звучат его слова, что следует воздерживаться от осуществления возмездия тем, кто не обладает значительной силой. Он повторяет положение о том, что войну следует предпринимать не иначе как по необходимости. Уместна ссылка на Сенеку: «Кидаться в опасность следует, если только бездействие сулит равные опасности» [5, с. 553].

Важным условием начала войны в крайних обстоятельствах является наличие достаточных сил. При этом автор предупреждает: «Жестокое дело есть война, замечает Плутарх; она влечет за собой целый клубок преступлений и посягательств» [5, с. 553]. Напоминает нам о

том, что Максим Тирский говорил: «Война, по-видимому, для справедливых есть дело необходимости, для несправедливых – дело произвола» [5, с. 534].

Размышляя о причинах войны в интересах других, он говорит, что начинать войну ради подданных – справедливо. При этом следует учитывать, что «на правителе лежит обязанность заботиться более о благе целого, нежели о благе частей; но чем значительнее часть, тем ближе она к природе целого» [5, с. 559]. Также справедливо предпринимать войны ради союзников равноправных и неравноправных. Г. Гроций заключает: «Ближе всего к подданным, даже равны им в отношении защиты, союзники, в договор с которыми включены покровительство им или защита их, или взаимная помощь по соглашению» [5, с. 560]. Ярким примером современного развития военно-политических отношений является принятие в ноябре 2021 г. Военной доктрины Союзного государства и дальнейшее развитие военно-союзнических отношений Беларуси и России.

Причиной ведения войны также может выступать помощь друзьям. Но наиболее распространенным основанием, по Цицерону, является «взаимная связь людей, сама по себе достаточная для оказания помощи». Кроме того, как отмечает Сенека, «Человек рожден для взаимной помощи» [5, с. 561]. Вместе с тем не следует пренебрегать изречением Сенеки и оказывать «помощь погибающему, но так, чтобы самому не погибнуть иначе, кроме как в надежде стать великим человеком или заслужить награду за великий подвиг» [5, с. 562].

Г. Гроций ставит вопрос о том, является ли справедливой война ради защиты чужих подданных. Он отвечает на этот вопрос, что в случае крайнего беззакония, «что не может быть оправдано никем, кто не утратил справедливости, то право человеческого общества не упраздняется» [5, с. 562]. Весьма актуально звучат его слова о несправедливости союзов и наемных отрядов, в которые вступают без различия причин войн, исключительно ради вознаграждения [5, с. 563]. Стоит учитывать и ссылку на суждение Августина, что «сражаться не есть преступление, но сражаться ради добычи есть грех» [5, с. 564]. Он утверждает, что «то же относится к военной службе ради платы, если она является единственной или главной целью» [5, с. 564].

Стоит учесть, что исходя из исторических традиций русского и белорусского народа, нашего менталитета военная служба является своеобразным служением другим людям, народу и государству ради их безопасности в военном отношении.

Автор пишет о справедливых причинах ведения войны теми, кто находится под чужой властью. Рассмотрев целый ряд примеров, он заключает: «Я вместе с тем думаю, что в войне не только сомнительной, но даже несомненно и явно несправедливой может иметь место справедливая защита подданных» [5, с. 572].

Таким образом, во второй части своего труда автор развивает комплекс идей о справедливой войне и этических правилах ее возможного начала и ведения.

В третьей книге Г. Гроций рассуждает о том, что дозволено на войне. Правило первое: на войне дозволено то, что необходимо для достижения поставленной цели. Второе: следует соблюдать право, вытекающее не только из самого источника войны, но также из условий, постоянно возникающих в течение войны. Третье: некоторые последствия деяний не составляют правонарушений, хотя как преднамеренные они являются недозволенными; против них принимаются меры предосторожности [5, с. 578–579].

Из этих всеобщих правил делается заключение, в какой мере дозволено по природе проявлять свою власть над врагом. Важным положением является мысль о том, кто снабжает неприятеля. Г. Гроций говорит, что «тот, кто снабжает врага необходимым для войны, находится на его стороне» [5, с. 580].

Автор труда высказывается и по вопросу возможного обмана на войне. Он обращается к словам Ксенофонта: «нет ничего полезнее хитрости на войне» [5, с. 581].

Причем, по мнению самого автора, хитрость в акте отрицательном сама по себе не запрещена. Хитрость в акте положительном делится на такую, которая осуществляется путем действий, имеющих неформальное значение, и такую, которая осуществляется путем действий, имеющих формальное значение как бы по соглашению; доказываемая, что хитрость первого рода дозволена [5, с. 583]. В отношении хитрости второго рода указывается трудность вопроса. По мнению Аристотеля, «обман сам по себе гнусен и заслуживает порицания, истина же прекрасна и похвальна» [5, с. 584]. По мнению Евстафия, «мудрый говорит неправду в крайней нужде» [5, с. 585]. Г. Гроций убежден, что природа недозволенной лжи имеет форму столкновения с правом другого [5, с. 587].

По отношению к врагам заведомая ложь дозволена. Он пишет, «что повсеместно утверждают мудрые, а именно – что врагу можно говорить неправду» [5, с. 589]. Вполне закономерно, что эти тезисы развиты в известном труде «О войне» К. Клаузевица, утверждающего, что «война – это путь обмана». Меры по обману противника, введения его в заблуждение являются важным условием достижения цели в бою (операции) современными военными руководителями.

Размышляя о войне справедливой, или торжественной, согласно праву народов, и об объявлении войны, он пишет, что война торжественная по праву народов ведется между различными народами. Какова подобного рода война, лучше всего определили римские юристы: «Неприятелями являются те, кто нам или кому мы публично объявили войну, прочие же – разбойники и грабители» [5, с. 606].

Для природы торжественной войны требуется, чтобы зачинщиком ее был обладатель верховной власти. Требуется также объявление войны. У Тита Ливия в определении справедливой войны сказано, «что она ведется открыто и по постановлению государства» [5, с. 609]. Причем «по естественному праву, когда приходится отразить нападение или наказать того, кто виновен в преступлении, не нужно никакого объявления войны» [5, с. 609].

Г. Гроций утверждает: «Однако по праву народов во всех столкновениях для возникновения особых последствий требуется объявление войны – не взаимное, а одностороннее» [5, с. 610].

Одни объявления войны бывают условные, другие – безусловные. «Оно является условным, когда сочетается с истребованием взыскиваемых вещей» [5, с. 610]. «Безусловное объявление войны есть особое объявление, или оповещение, в случаях, когда другая сторона или уже начала враждебные действия, или совершила такое преступление, которое заслуживает наказания» [5, с. 611].

Объявленная кому-нибудь война одновременно объявлена также его подданным и союзникам, поскольку они действуют заодно с ним. «Указанное правило следует распространить на войну, которая ведется против того, кому она объявлена» [5, с. 612]. Причина того, почему требуется объявление войны для наступления некоторых следствий: «Преследовалась цель сделать совершенно несомненным, что война ведется не по частному почину, а по воле обоих народов или глав народов» [5, с. 612].

Г. Гроций указывает, что неверно представление о том, «что нельзя якобы начинать войну немедленно по ее объявлении» [5, с. 613]. Кроме того, «если нарушено даже право посольства, то тем не менее нет основания не прибегать к объявлению войны, дабы наступили упомянутые последствия» [5, с. 613]. Причем сделать это необходимо «наиболее безопасным способом».

Г. Гроций, размышляя о праве убийства врагов в торжественной войне и о другом насилии над личностью, свои примеры сопровождает нравственным обоснованием и соблюдением прав человека.

Неприятельское имущество можно портить и грабить. «Не противно природе грабить того, кого честь позволяет убивать, как сказал Цицерон» [5, с. 632]. Автор повторяет, что «согласно праву народов считается дозволенным не только похищение силой имущества у неприятеля, но и обман, не влекущий предательства, а следовательно, и побуждение других к вероломству» [5, с. 635].

Г. Гроций также аргументирует право приобретения вещей, захваченных на войне. Его рассуждения изобилуют массой примеров. В заключение он говорит: «Однако это внешнее право приобретения вещей, захваченных во время военных действий, настолько свойственно торжественной войне в силу права народов, что не имеет места в других

войнах». И далее: «В войнах гражданских независимо от их больших или меньших размеров не может произойти никакого перехода собственности, кроме как в силу судебного решения» [5, с. 658].

Автор рассматривает и проблемы права на пленных, а затем вопросы верховной власти над побежденными. Войной приобретает также верховная гражданская власть, принадлежащая либо царю, либо народу. Приобретается и господская власть над народом, который тогда прекращает быть государством. Иногда эти виды власти сочетаются. Приобретаются также владения народа, даже нетелесные вещи [5, с. 671].

Г. Гроций обстоятельно рассматривает проблему постлиминия, который «есть право, возникающее вследствие возвращения «в пределы», то есть в государственные границы» [5, с. 675].

Важным разделом являются рассуждения о предостережении относительно действий в войне несправедливой. Затем автор показывает ограничения права убивать в справедливой войне. На вопрос, кого можно убивать в справедливой войне, он пишет со ссылкой на Витторию: «Никто по справедливости не может убить кого-либо преднамеренно, кроме как или в виде справедливого наказания, или же поскольку иначе мы не в состоянии оградить нашу жизнь и наше имущество» [5, с. 694].

Он обращает наше внимание на то, что стоит различать зачинщиков войны от сторонников воюющих. Всегда следует щадить детей, женщин, если они не повинны в тяжком преступлении, и стариков [5, с. 702].

Следует также щадить посвятивших свою жизнь исключительно священнослужению и наукам. Необходимо щадить земледельцев, торговцев, пленных, добровольно сдавшихся на справедливых условиях. Нужно щадить и сдавшихся безусловно. Совершивших преступления следует по справедливости щадить, когда они многочисленны. Кроме того, нельзя убивать заложников, если они не совершили преступлений, а также воздерживаться от всякого бесполезного сражения [5, с. 708].

Относительно ограничений опустошений и тому подобного Г. Гроций заключает: «В высшей степени верно, по моему мнению, замечание некоторых богословов, что долг верховных властей и полководцев, желающих перед богами и людьми слыть христианами, состоит в том, чтобы предупредить грабежи городов и тому подобные бесчинства, которые не могут проходить без тягчайшего бедствия для великого множества ни в чем не повинных людей и обычно мало способствуют главным военным успехам. Христианская доброта, а также самая справедливость в большинстве случаев их с ужасом отвергают» [5, с. 721].

При рассмотрении вопроса об ограничении захвата вещей во время войны автор заявляет: «Захват имущества неприятеля в справедливой войне нельзя считать свободным ни от правонарушения, ни от обязанности возмещения. Ведь если соблюдать требования справедли-

вности, то не разрешается захватывать что-либо или владеть чем-либо свыше того, что должен неприятель; исключение составляет имущество, которое может быть удержано в интересах обеспечения необходимой безопасности» [5, с. 725]. Мы видим следование не только праву, но и человечности.

Отдельно Г. Гроций рассматривает ограничения, касающиеся обращения с пленными. И здесь он показывает себя гуманистом и призывает нас соблюдать благоразумную умеренность во всем в отношении пленнх.

Весьма актуально звучат его слова, связанные с ограничениями, касающиеся приобретения власти. Похвально воздерживаться от права приобретения власти над побежденными. Он ссылается на Аристотеля, который неоднократно утверждал: «Война существует ради мира, труды – ради досуга». Обращаясь к Цицерону, акцентирует внимание на его словах: «Таким образом, войны следует предпринимать ради того, чтобы жить в мире без правонарушений» [5, с. 739]. Г. Гроций говорит: «Когда побежденным сохраняется их власть, то это происходит не только по соображениям человечности, но и зачастую также еще по соображениям благоразумия» [5, с. 741]. При условии принятия на себя верховной власти представляется правильным сохранить ее хотя бы отчасти за побежденными или же сохранить им некоторую свободу. Особенно это касается дела вероисповедания. Обращается внимание на милосердное обхождение с побежденными. Он говорит, что здоровое суждение Тацита относительно войны гласит: «Благородное окончание войны – то, когда ее оканчивают прощением» [5, с. 743].

Очень важными являются суждения Г. Гроция относительно нейтральных государств. У тех, кто сохраняет мир ничего не должно отниматься иначе как в силу крайней необходимости и с возмещением стоимости. А обязанность тех, «кто держится в стороне от войны, состоит в воздержании от содействия тому, кто ведет несправедливую войну, или тому, кто препятствует движению, ведущего справедливую войну» [5, с. 752].

Интересны соображения Г. Гроция о добросовестности между врагами. Он цитирует Августина, который говорит: «Когда дается обещание о добросовестности, его нужно блюсти даже в отношении врага, против которого ведется война» [5, с. 762].

Мыслитель пишет и о добросовестности государств при окончании войны, а также о мирном договоре, о жребии, об условленном сражении, о третейском суде, о сдаче на милость победителя, о заложниках, о залогах. В частности, он говорит, что «заклучение соглашений, которыми оканчивается война, составляет право тех, от кого зависит и сама война» [5, с. 773]. Кроме того, «все захваченное после заключения мирного договора имущество, несомненно, подлежит возврату, поскольку с этого момента уже отменено право войны» [5, с. 778].

Представляется актуальной мысль о том, когда следует считать мир нарушенным. Г. Гроций говорит, «что мир нарушается тремя способами: или действием, противоречащим тому, что предусматривается всяким миром; или действием, противоречащим тому, что явно выражено в мирном договоре; или же действием, противоречащим тому, что надлежит заключить из особой природы мира» [5, с. 780].

Существенным условием нарушения любого мирного договора является «совершение враждебного действия вооруженной силой, особенно когда отсутствует какая бы то ни было новая причина войны» [5, с. 780].

Стоит обратить также внимание на то, что «мир заключается ради безопасности всех граждан, поскольку он есть государственный акт в интересах целого и его частей» [5, с. 781]. В отношении союзников он говорит: «Нападение вооруженной силой на союзников тоже нарушает мир» [5, с. 781].

Далее автор пишет о добросовестности в военное время, где речь идет о перемирии, о свободе передвижения, о выкупе пленных. Он дает определение перемирию: «Перемирие есть соглашение, в силу которого во время войны на некоторый срок надлежит воздерживаться от военных действий» [5, с. 796]. Также разъясняет, как должно исчисляться время, предусмотренное для перемирия. Во время перемирия недопустимо «всякого рода враждебные действия как против лиц, так и против имуществ, то есть всякого рода применение вооруженной силы против неприятеля» [5, с. 798]. Если перемирие нарушается противной стороной, «излишни сомнения в том, возможно ли потерпевшей стороне взяться за оружие даже без предупреждения» [5, с. 800].

Отдельную главу автор посвящает добросовестности подчиненных органов власти на войне. Он утверждает, что заключение мирного договора не входит в полномочия военного командования. «Право решения вопроса о мире принадлежит государству» [5, с. 810]. А «согласие на перемирие входит в полномочия военного командования – и не только высшего, но и подчиненного; такое согласие дается, конечно, тем, с кем соответствующие командующие ведут борьбу или кого они держат в осаде» [5, с. 811].

Г. Гроций рассуждает и о добросовестности частных лиц на войне. Он ссылается на изречение Цицерона: «Если даже отдельные лица, вынужденные обстоятельствами, обещали что-нибудь неприятелю, то они должны соблюдать верность данному слову» [5, с. 813].

В главе о молчаливом соглашении относительно добросовестности Г. Гроций пишет: «Сходным образом и тот, кто добивается встречи для переговоров, или тот, кто допускает их, молчаливо обязуются не причинять ущерба другой стороне» [5, с. 819]. Он также говорит: «Ныне белые флаги служат молчаливым знаком приглашения вступить в пере-

говоры. Они будут обязывать не менее, чем обращение со словесной речью» [5, с. 819].

В заключительной главе автор рассматривает увещания о соблюдении добросовестности и мира. Он пишет, что «добросовестность должна соблюдаться не только для чего-либо другого, но и для того, чтобы не исчезла надежда на мир. Добросовестностью ведь держится не только всякое государство, по словам Цицерона, но и великое общение народов. С уничтожением таковой, как правильно говорит Аристотель, «исчезает существующее между людьми общение», а «с исчезновением добросовестности люди станут подобием диких зверей, силы которых страшатся все» [5, с. 823].

Он указывает, что *во время войны должно всегда стремиться к миру*. «Некая звериная сила преобладает по большей части в войне; тем усерднее должно стремиться к тому, чтобы она смягчалась человеколюбием, пока, чрезмерно подражая диким зверям, мы не разучились быть людьми» [5, с. 824].

Г. Гроций еще раз подчеркивает значимость мира: «Но мир предпочтительнее и для людей более могущественных; ибо, как не менее верно говорит тот же Тит Ливий, мир выгоднее и славнее для тех, кто дает согласие на мир в расцвете успехов; мир лучше и безопаснее, нежели ожидаемая победа» [5, с. 825].

Таким образом, Г. Гроций заканчивает свое исследование идеей предотвращения войны и стремления к миру. Из всего изложенного автором в труде видна прогрессивная направленность международно-правовых взглядов своего исторического периода.

В произведении содержится также существенный методологический потенциал для дальнейшего анализа диалектики войны и мира, развития военно-правовых аспектов государственного строительства и международного общения, гражданско-военных отношений, формирования этического кодекса насилия и др. Его произведение становится своеобразной отправной точкой для последующих военно-философских исследований. Как пишет российский философ А. Д. Куманьков, «Именно его три книги о праве войны и мира» зададут основные траектории обсуждения проблем, связанных с ведением справедливой, т. е. законной и нравственно оправданной войны» [9, с. 44].

Можно утверждать, что обеспечение защиты и безопасности нации от военного насилия является важнейшей теоретической задачей данной книги, а в случае крайней необходимости – справедливого ведения войны ради достижения мира. Швейцарский философ, дипломат и юрист Эммер де Ваттель по этому поводу отмечал: «Нация должна подготовиться и быть в состоянии дать отпор несправедливому врагу и обуздать его. Это – важная обязанность, налагаемая на нацию и на ее руководителя заботой о ее усовершенствовании и сохранении» [2, с. 152].

По истечении почти четырех столетий произведение Гуго Гроция остается своеобразным примером служения истине и науке во благо мирного развития человеческого общества. Гуго Гроций в своем труде выступает как теоретик, который обобщил предшествующую традицию о справедливой войне. В современных условиях проблемы предотвращения войны и сохранения мира остаются фундаментальными, и обращение к ним в философском ракурсе является необходимым условием обеспечения национальной безопасности как белорусского, так и российского государств [7].

Разделяем позицию российских ученых, которую они обозначили в разделе «Война и мир» журнала «Философские науки»: «без учета фактора войны невозможно сформировать полноценное представление о современном мире, объективно оценить смысл и качество жизни современного человека, характеризовать состояние, в котором он пребывает, а тем более прогнозировать, какими будут перспективы человечества и какой образ жизни ожидает конкретного индивида в обозримом будущем» [1, с. 8].

Несмотря на «принципиальную приверженность поддержанию международного мира и безопасности» [3, ст. 57], Республика Беларусь совершенствует свою военную сферу национальной безопасности, так как гарантом мира в XXI веке, по мнению доктора философских наук И.Н. Сидоренко, выступает «военизированный гуманизм» [10, с. 165].

Убеждены, что с учетом накопленного философского наследия и современных тенденций развития насилия в интересах безопасности Беларуси и России, Союзного государства целесообразно продолжить философское осмысление системы национальной безопасности государств, а также рационально обосновать развитие теории военной сферы национальной безопасности [8] как важнейшее условие мирного развития.

Список литературы

1. Белозеров В.К., Кашников Б.Н., Куманьков А.Д., Мариносян Х.Э., Соловьев А.В. Война и мир // Философские науки. 2020. № 63(1). С. 7–12.
2. Ваттель Э. де Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 720 с.
3. Военная доктрина Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утв. Законом Респ. Беларусь 20 июля 2016 г., № 412-3. URL: <https://www.pravo.by>. (дата обращения: 11.06.2021).
4. Гроций Г. О праве войны и мира. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1902. 50 с.
5. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1956. 868 с.
6. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: 1903. 532 с.
7. Ксенофонов В.А. Война, национальная безопасность, гражданско-военные отношения, гуманитарное знание: взаимосвязь явлений и перспективы их развития // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 4 (5). С. 17–27.

8. Ксенофонтов В.А. Военная сфера национальной безопасности: приоритеты развития // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь: материалы междунар. науч. конф., Минск, 17 дек. 2021 г. / Бел. гос. ун-т; редкол.: Е.А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 160–164.
9. Куманьков А.Д. Война в XXI веке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 299 с.
10. Сидоренко И.Н. Философия насилия: от метафоры к концепт. Минск: БГУ, 2017. 175 с.

H. GROTIUS' TREATISE «ON THE LAW OF WAR AND PEACE» AS A PHILOSOPHICAL-LEGAL BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF THE MILITARY SPHERE OF NATIONAL SECURITY

V.A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

The article analyses the work «On the law of war and peace» by Dutch thinker Hugo Grotius which has a great significance in the history of philosophy. As a political thinker he was the first to talk about law and justice, about the natural right in international relations. The author of the work is an analyst and humanist, raising the problem of the dialectics of war and peace, based on the work of predecessors, he formulates his own theory of state-building and international relations «in defense of Justice». It is shown that the three books contain relevant ideas aimed at respecting the right of war and peace in international relations. It is concluded that the work contains significant potential for the modern military-philosophical research in the interests of ensuring state military security.

Keywords: *international relations, state, offence, violence, natural law, self-defence, peace, just war, good faith, security.*

Об авторе:

КСЕНОФОНТОВ Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: nksena777@gmail.com

Author information:

KSENOFONTOV Vladislav Anatolyevich – PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: nksena777@gmail.com